

Никита Брагин

г. Москва

Лимерики и Эдвард Лир

Что такое лимерик? Короткое стихотворение из пяти строчек, с заданным метром и порядком рифм, по существу твёрдая форма. Только миниатюрная, меньше сонета и триолета, и, главное, изначально несерьёзная, не просто шуточная, а эксцентрически-дурашливая, с особой абсурдностью, так понимаемой британцами. Когда-то он и был жанром британской поэзии, потом перебрался в Америку, а теперь и в России прижился и чувствует себя у нас вполне вольготно. Название эта поэтическая форма получила от ирландского города Лимерик. Кстати, ударение в наименовании города (и стихотворения) стоит на первом слоге, и потому распространённая у современных русскоязычных эмигрантов рифма «лимерики – Америки» не может считаться состоятельной.

Начальный этап истории лимерика не вполне ясен. Утверждают, что появились они в конце XVII века и первоначально были куплетами песенок ирландских солдат на службе Короля-Солнце (Людовика XIV), в которых повторялось название города Лимерик (может быть, оттуда многие из этих солдат происходили?). Выходит, что пелись эти куплеты во Франции, а вот

популярны стали они в Англии (возможно, возвращавшиеся ирландцы принесли их с собой?). Есть также иная версия – что это были весёлые куплеты, которые за распитием горячительного распевали завсегда-таи ирландских портовых таверн, повторяя «Мы поедим в Лимерик!».

В начале XIX века в Англии появились первые сборники лимериков, однако настоящую известность этот жанр получил в 1846 году, когда вышел сборник стихотворений Эдварда Лира «A book of nonsense», название которого можно перевести как «Книга чепухи», или «Книга бессмыслицы». Именно Лир по праву может считаться «крёстным отцом» лимерика – пусть не он создал этот стихотворный жанр, но лишь благодаря Лиру лимерик стал широко известен. Словно в сказке, он нашёл нечто странное и удивительное, придал ему форму, что-то заострил, что-то пригладил и выпустил в мир ни на что не похожее абсурдно-эксцентричное создание, поэтического чебурашку, не подчиняющегося давно устоявшимся законам поэзии. И, как представляется, многие, а может быть, вообще самые главные свойства лимерика в том виде, как он известен нам, определены особенностями жизненного пути, характера и таланта самого Эдварда Лира (1812–1888). Самое время немного рассказать о нём.

Он родился в семье лондонского биржевого брокера и был двадцатым (!) ребёнком в семье. Отец разорился, когда Эдварду было всего четыре годика, так что малыш скоро познал бедность, а к этому ещё прибавились тяжёлые болезни: с пяти лет и до конца дней своих он страдал от эпилепсии, к которой в течение жизни присоединились сильная близорукость, хронические проблемы с лёгкими, катаракта... Несмотря на всё это, Эдвард Лир прожил долгую жизнь, наполненную творчеством и путешествиями. Рано открылся его талант художника – когда ему исполнилось пятнадцать, Эдвард стал рисовать на заказ анатомические рисунки для врачей, вывески и объявления для магазинов, наконец, стал раскрашивать литографии. Тем он зарабатывал на жизнь.

Первый большой успех пришел к Лиру в восемнадцать – он выполнил для Королевского Зоологического общества альбом in folio с сорока двумя цветными литографиями различных видов попугаев, изданный под названием «Illustrations of the Family of Psittacidae, or Parrots», в переводе – «Изображения семейства Psittacidae, или попугаев». В Интернете можно найти изображения из этого альбома – <http://goo.gl/WKnBfC>, – я их посмотрел с большим удовольствием. Это не фотографические изображения дотошного натуралиста – у каждой птицы видишь характер, и каждая изображена с любовью.

Альбом с попугаями был замечен Эдвардом Смитом-Стенли, лордом Стенли, а в будущем – тринадцатым графом Дерби, который пригласил Лиру в своё поместье в Ланкашире и предложил ему работу – рисовать животных (сам лорд увлекался зоологией и содержал в своём поместье крупный частный зоопарк). Лир принял предложение, работал анималистом в течение пяти лет (1832–1837) и благодаря покровительству лорда Стенли получил известность в аристократическом обществе, где его живописные работы пользовались успехом. Наконец, в 1837 году лорд выделил Лиру сумму на поездку в Италию для обучения живописи (прежде всего ландшафтной), а также для поправки здоровья (к тому времени у Лиру участились простуды, а главное, ухудшилось зрение, и он вынужден был отказаться от анималистики, требовавшей большого напряжения при прорисовке мелких деталей).

Десять лет пробыл Эдвард Лир в Италии, живя в Риме, путешествуя по стране вплоть до Сицилии. В эти годы открылся его второй талант – поэтический. Вероятно, он начал вызревать ещё в годы службы у лорда Стенли – Лир тогда сочинял для детей стихи, иллюстрируя их собственными рисунками. В содержании этих стихов часто присутствовали географические мотивы: названия городов и стран, которые автор вставлял специально – чтобы дети запоминали их (геогра-

фия была в почете в Англии, чья мировая империя всё больше разрасталась). Эти мотивы позднее стали одной из важнейших примет лимерика.

В 1846 году вышла книга Лиру «A Book of Nonsense», которую он проиллюстрировал собственными рисунками и выпустил в свет под псевдонимом Derry down Derry. Он сам относился к этой работе как к шутке, безделке, отдыху между многих и многих трудов. Неудивительно, ведь в этом же году он опубликовал двухтомник иллюстрированных экскурсий по Италии, альбом птиц из зоопарка лорда Стенли, да кроме того, приехав в Лондон, дал двенадцать уроков рисования королеве Виктории. Однако именно стихотворная «чепуха» обесмертила Лиру... Бывает, даже очень часто бывает, что лучшим в веках становится то, чему автор не придавал особого значения. Так, Петрарка считал второстепенной работой своё собрание сонетов «Canzoniere», отводя пьедестал мало кому известной ныне поэме «Африка»...

«Книга чепухи» состоит преимущественно из лимериков, и самое время рассказать подробнее об этой стихотворной форме. Итак, в лимерике пять строчек, первая рифмуется со второй и пятой, третья с четвертой (аабба), кроме того, первая, вторая и пятая относительно длинные, третья и четвёртая заметно короче их. Пишется лимерик преимущественно анапестом, но в русском варианте возможны и другие трёхсложные метры, особенно амфибрахий. В первой и пятой строках допустима тавтологическая рифма – то есть, эти строки могут завершаться одним и тем же словом, как здесь –

*There was an Old Man of the South,
Who had an immoderate mouth;
But in swallowing a dish,
That was quite full of fish,
He was choked, that Old Man of the South.*

Здесь очень важно заметить, что повторяющееся слово (или, как в данном случае, сочетание слов) обозначает человека,

или что-то географическое (или, опять как в данном случае, человека откуда-то). Вот подстрочник –

*Был однажды Старый Южанин,
Рот которого был непомерен,
Но, глотая тарелку,
Полную рыбы,
Подавился сей Старый Южанин.*

Вот ещё один пример – лимерик из вдохновившего Лира сборника «Приключения пятнадцати джентльменов», вышедшего в двадцатых годах XIX века:

*There was a sick man of Tobago
Lived long on rice-gruel and sago;
But at last, to his bliss,
The physician said this:
To a roast leg of mutton you may go.*

Подстрочник:

*Был один болезный на Тобаго,
Пищей ему были только рис да саго,
Пока, наконец, на его счастье,
Врач не сказал ему –
Вам следует перейти
к жареному бараньему окороку.*

И перевод (взят из Интернета, авторство мне не известно):

*Худосочный старик из Тобаго,
Долго живший на рисе и саго,
Так себя истязал,
Пока врач не сказал:
«А теперь – бычий бок и малага!»*

Перевод лимерика с английского на русский сложен и, как правило, даже невозможен с полным сохранением смысла. Вот один типичный лимерик из книги Лира:

*There was an Old Lady of Chertsey,
Who made a remarkable curtsey;
She twirled round and round,
Till she sunk underground,
Which distressed all the people of Chertsey.*

Подстрочник получается такой:

*Была старая дама из Чёртси,
Сделавшая замечательный реверанс:
Она так вертелась,
Что провалилась,
Поразив этим все общество Чёртси.*

А вот и перевод:

*Дама туфелькой в танце вертела.
Дама дырку в полу провертела.
Зазевалась – и вдруг,
Покидая подруг,
Через дырку в подвал полетела!*
(Перевод Е. Фельдмана)

Ещё пример:

*There was a Young Lady of Russia,
Who screamed so that
no one could hush her;
Her screams were extreme,
No one heard such a scream,
As was screamed by that lady of Russia.*

Подстрочник:

*Была юная девица из России,
Которая вопила так,
что её никто не мог успокоить,
Крики её были столь непомерны,
Что никто и не слышал, наверное,
Таких, как у девицы из России.*

И перевод:

*Есть странная дама из Кракова:
орёт от пожатия всякого,
орёт наперёд
и всё время орёт —
но орёт не всегда одинаково.*
(Перевод В. Набокова)

Кстати, Владимир Набоков и не считал свои лимерики переводом, называя их вольной интерпретацией. Можно, впрочем, постараться перевести ближе к оригиналу, как это сделал Евгений Клюев (Целый том

чепухи (Английский классический абсурд XIX века). – М., 1992):

*Вот вам некая Мисс из России.
Визг её был ужасен по силе
И разил, как кинжал.
Так никто не визжал,
Как визжала та Мисс из России.*

На этих примерах можно увидеть важнейшие особенности лимерика. Первое – в них всегда присутствует чудак (или чудачка), совершающая некое действие, обычно абсурдное или приводящее к абсурдным результатам, удивляющим и даже шокирующим окружающих. Или же действие само по себе вроде бы и нормальное, но оно совершается в такой среде и в таких обстоятельствах, что воспринимается как нелепость. Может быть и так, что герой лимерика обладает какими-либо странными качествами:

*There was a young person of Ayr,
Whose head was remarkably square:
On the top, in fine weather,
She wore a gold feather;
Which dazzled the people of Ayr.*

*Жила-была дама приятная,
На вид совершенно квадратная.
Кто бы с ней ни встречался,
От души восхищался:
«До чего ж эта дама приятная!»
(Перевод Г. Кружкова, 1993)*

Ну, представьте себе юную особу с отчётливо квадратной головой (так в оригинале Лира), или, как в переводе, совершенно квадратную даму – но это же полный абсурд, нонсенс, чепуха. И в каждом лимерике мы встречаем нечто такое – старичка, отбивающегося от пчёл между ульями, любителя античности, изучающего труды Витрувия у подножья Везувия, старушонку, сидящую на кусте чертополоха и как ни в чем ни бывало дудящую в дудку, и тому подобных оригиналов. При этом всё совершается с каким-то беззлобным комизмом и безобидным юродством. Мало того, классический лимерик

не несёт сатирического содержания и не преследует цель обидеть или разозлить, как эпиграмма XIX века. Недавний лимерик бывшего мэра Лондона о президенте одной из ближневосточных стран надо считать явлением нашего времени (так же как и многочисленные современные русские лимерики, где часто можно встретить знакомые и не всегда приятные лица). Тем не менее для классического лимерика совершенно нехарактерно упоминание (даже скрытое и косвенное) реальных людей. Герой лимерика всегда выдуман (а возможное сходство его с известными людьми – просто случайное совпадение). Точно так же выдуманы его внешность, качества и действия.

Вот здесь мы переходим к важнейшей особенности лимерика, которая и делает этот жанр уникальным и неповторимым. Я имею в виду происхождение этих смешных и абсурдных действий и качеств героев лимериков.

*Жил старик по фамилии Плиски,
С головою не больше редиски.
Но, надевши парик,
Становился старик
Судьёй по фамилии Плиски!*

Вторая строка – ключевая. Старик оказывается с головой не больше редиски – а почему? Да потому, что его фамилия Плиски рифмуется с редиской! И других причин здесь нет. Дальше остаётся создать комический эффект – старичок-то непростой, головка, конечно, у него крошечная, но как наденет он пышный судейский парик, так вы мигом забудете смеяться над ним, и затрепещете, и зауважаете его. Сам комический эффект в лимерике обычно строится по тому же принципу, что и в анекдоте. Он обязательно должен быть неожиданным и не вытекающим явно из завязки лимерика. Это понятно, но вот ключевая роль рифмы сама по себе необычна.

Сколько раз приходилось слышать примерно одно и то же мнение, высказываемое как профессиональными критиками, так и людьми, поверхностно знакомыми с литературой. Одни говорят – это слишком книж-

но и искусственно притянутые рифмы, они неестественны. Другие говорят – это у него для рифмы так, он специально стихотворение подводит к рифме. Третьи – ну, здесь он ради рифмы прямо-таки жертвует смыслом. Суть всех высказываний сводится к тому, что не должна форма определять содержание. Не может и не должна рифма определять смысл стихотворения.

А в лимерике – всё наоборот! Именно рифма и определяет всё – и содержание, и эмоциональность, и дух, и юмор. Это какие-то поэтические поддавки, где правила совсем не такие, как в общепринятом стихосложении, где хорошо то, что в иных жанрах порицается, и где дозволено запретное или полузапретное:

*Итальянцу из города Бари
Принесли кружку пива в пивбаре.
Но спросил он сварливо:
«А зачем это пиво
Вскипятили вы мне в самоваре?»*
(Перевод С. Шоргина)

Если итальянец из Бари, то он непременно окажется в пивбаре, а если тот же итальянец попадёт в Анадырь, то запросит лимонада. Это столь же очевидно, как и то, что у дамы из Салоников будут либо поклонники, либо на комоды фарфоровые слоники, а может быть, и то и другое. А туристы в Брюсселе обязательно будут кружиться на карусели. Вот отсюда всё и получается – и очевидная искусственность ситуации, её нарочитая конструкция не только не мешают пониманию юмора, но, напротив, способствуют. Есть и ещё важные стороны, например, отношение внешнего и внутреннего, внешности и сущности персонажа. Дама, конечно, совершенно квадратная, но при этом чрезвычайно приятная. Или как в этом лимерике:

*Подбородок у мисс из Норфолка
Был длинней и острей, чем иголка.
Не смущаясь нимало,
Им на арфе играла
Одарённая мисс из Норфолка.*
(Перевод М. Фрейдкина)

Можно быть смешным, некрасивым, нелепым, но при этом оставаться приятным человеком, или быть уникалом и мастером своего дела, и вообще – внешность обманчива. Кажется, тут отразились некоторые особенности самого Эдварда Лира, который переживал за свою внешность, в то же время подшучивая над ней. Вот отрывок из одного его письма: «...стоит только добавить, что оба мои колена сломаны, так как через них переехали, что и придаёт им такой забавный скрюченный вид, что моя шея чрезмерно вытянута, нос как слоновий хобот, а если учесть мою склонность шнырять, спотыкаясь, из-за сильной близорукости туда-сюда, то можешь хорошо представить мой настоящий вид».

Хронические болезни, в том числе эпилепсия, а также комплекс по поводу внешности были причинами того, что Лир так и не обзавёлся семьёй. В то же время он был живым и общительным человеком. Продолжая активно работать в пейзажной живописи, он добился известности, у него появилось немало связей и среди знати, и среди деятелей искусства. В частности, Эдвард Лир любил поэзию Теннисона и много работал над иллюстрациями к произведениям выдающегося английского поэта, сам же Теннисон посвятил Лиру стихотворение «To E. L., on His Travels in Greece». Лир был также в тесной дружбе с Холманом Хантом, знаменитым художником-прерафаэлитом.

Огромные усилия предпринял Эдвард Лир, чтобы улучшить свою технику живописи. В 50-х годах он вернулся в Англию, чтобы пройти 10-летний курс в Королевской Академии, однако слабое здоровье помешало этим планам, и через три с половиной года Лир опять уехал на юг, к Средиземному морю. Большие пейзажные полотна Лира получали благожелательные отзывы, но заработать желаемые суммы так и не удавалось. В то же время повторная публикация «Книги чепухи» (1861), на этот раз под собственным именем, принесла Лиру неожиданный успех, поразивший, но при этом смутивший автора. Всё-таки Лир мечтал о славе живописца, а

«несерьёзные стишки» рассматривал лишь как развлечение плюс возможность сравнительно лёгкого заработка.

Тем не менее с этого времени Лир всё больше отдаётся поэзии. За оставшиеся годы жизни он написал и опубликовал ещё три книги: «Песенки чепухи» (1870), «Ещё чепуха» (1872) и «Забавная лирика» (1877). В этих книгах есть лимерики, а также различные юмористические баллады и поэмы («Донг с фонарём на носу», «Страна Джамблей» и многие другие). Здесь вновь и вновь появляются типичные герои Лира, странные, чудаковатые, но добродушные и, главное, глубоко национальные, ведущие свой род от Тома из Бедлама, Мери, что ходила босиком, чтобы не замочить опорки, и, конечно, от бессмертного шекспировского Пэка и столь же бессмертного шута из «Короля Лира». Вот это наследие и принесло Эдварду Лиру славу. В Вестминстерском аббатстве есть знаменитый на весь мир «уголок поэтов», где участок пола покрыт мемориальными мраморными плитами. Так вот, там, рядом с плитами лорда Байрона, Кольриджа, Шелли, Китса можно увидеть и плиту Эдварда Лира.

Слава Лира-поэта вскоре перешагнула пределы Англии. В России Лира высоко оценили обэриуты, особенно любил его Даниил Хармс, который по-своему занимался поэзией абсурда (она у Хармса совсем иная, нередко и страшноватая, чему были причины). Лира начали переводить – кроме уже упомянутого Владимира Набокова, этим занимался Самуил Маршак, писавший об этом так: «Перевожу стихи Эдварда Лира, родоначальника английской детской поэзии, первого создателя жанра “нонсенс” – “чепушистых” стихов. Это – просто прелесть! Столько в его книгах причуды, выдумки, душевной чистоты. И при этом Эдвард Лир один из самых музыкальных поэтов. Переводить Лира очень трудно. Нелегко передать его разнообразный, гибкий ритм и мелодичность его стихов, воспроизвести на другом языке причудливую вереницу его образов. И всё же я работал над переводами из Лира с живейшим интересом и удовольствием. Мне хотелось доне-

сти до моих читателей ту весёлую игру, которая составляет сущность поэзии Эдварда Лира».

Маршак перевёл ряд шуточных баллад Лира, в том числе такие известные как «Утка и Кенгуру» или «В Стране Джамблей». Публикацию сборника стихов Лира «Прогулка верхом и другие стихи» в переводах Маршака (1962) горячо приветствовал Корней Чуковский. Но в этой книге не много лимериков. Их начали во множестве переводить лишь в конце XX века, тогда же стали появляться и оригинальные русские лимерики. Сейчас их уже очень много.

Спектр современных русских лимериков весьма разнообразен; не могу сказать, что мне в них всё нравится. Например, они частенько бывают грубы, кроме того, режет ухо частое упоминание в них разных современных политиков или популярных деятелей эстрады и тому подобное. Мне представляется, что это отклонение от первоначального строя лимерика не оправдано – для сатиры существует великое множество жанров поэзии (эпиграмма, бурлеск, пародия, скетч). Кроме того, мне хотелось сохранить присущую лимерику теплую ироническую атмосферу, где чудачество беззлобно и юродство ненаказуемо, где цель не в том, чтобы обличать и клеймить, а в том, чтобы удивить и насмешить. Не уверен, впрочем, что мне это всегда удалось, всё-таки мир наш куда жёстче викторианской эпохи. Или лучше сказать так – люди сейчас и язвительней, и жёстче, и обидчивей, чем в прошлом. Но, так и быть, выношу на ваш суд своё небольшое собрание лимериков.

Русские лимерики

*Был один инженер из Тагила,
изобрёл он ручное рубило,
но когда на весу
он рубил колбасу,
принимали его за дебила.*

*Одному ювелиру из Биробиджана
поступали заказы от парижанок, –*

обточив кабошон,
выпивал он крюшон
и в саду поливал баклажаны.

Балалаечник из Душанбе
научился играть на трубе,
и с тех пор он в оркестре
занимает три места –
балалайке, трубе и себе.

Захотелось туристу в Брюсселе
пить шампанское на карусели, –
как ни много он пил,
втрое больше пролил,
потому что глаза окосели.

Итальянцы приплыли в Анадырь,
заказали в кафе лимонаду –
им подали спуманте
и роскошным бельканто
исполняли для них серенады.

Был один культурист из Баку,
пролежавший всю жизнь на боку, –
на вопрос, чем ты занят,
он кричал со слезами:
я служу в президентском полку!

Был один аферист из Афин, –
он держал на крючке весь Минфин,
ел мезе он от пуза,
пил стаканами узо,
и твердил: я испанский дофин!

Одна балерина жила в Бамако,
питалась шпинатом, пила молоко
и каждую среду
за час до обеда
мечтала взлететь далеко-далеко...

Дегустатору из Воркуты
предложили стакан «бормоты», –
возвращая посуду,
он сказал: это чудо,
век не ведал такой вкусноты.

У одной госпожи из Салоники
было триста фарфоровых слоников,
сорок плюшевых мишек,

девятнадцать мартышек
и стеллаж гороскопов и сонников.

Некий чех, отдыхая в Опатии,
находился в глубокой апатии,
понимая, что пиво
над лазурью залива
не заменит любви и симпатии.

Рыболову из Вышнего Волочка
посчастливилось снять с золотого крючка
тридцать девять лещей,
сто семнадцать ершей
и калошу с ноги одного старичка.

Был обходчик на станции Ёлочки, –
он всегда одевался с иголочки, –
возвращаясь в барак,
клат он в тумбочку фрак,
а перчатки с цилиндром – на полочку.

Водопроводчик из Владивостока
очень любил рассуждать о высоком –
в музыке Баха
и Оффенбаха
слышал он плеск и течение потока.

Отставной аппаратчик в Медыни
на балконе выращивал дыни,
а гостям на вопросы
отвечал очень просто:
нивелирую чувство гордыни.

Известный актёр в Сен-Тропе
решил затеряться в толпе.
Толпа провожала
его до вокзала,
пришлось запираться в купе.

Некий бас-гитарист из Орла
пил нарзан и кефир из горла,
а коньяк и текилу
пригубив через силу,
говорил: не в то горло пошла.

Некий шейх в ресторанах Измира
освежался «Бомбейским сапфиром».
На вопрос о запрете
он ответил: на свете
есть иные ориентиры.